

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА: ЧЕРТЫ И ТRENДЫ

Аннотация. В данной статье автор исследует современные особенности политической элиты, относящиеся как к обстоятельствам мировой политики, так и национального политического процесса. Подобная задача вызвана, во-первых, усилившимися противоречиями между основными положениями классической элитологии и современной политической практикой, в условиях которой зарождаются новые специфические черты «элиты» и «политического класса», а во-вторых, не до конца понятой природой т.н. «переходных» или «гибридных» режимов, в которых элитные конфигурации существенно отличаются от теоретических образцов. Методология исследования опирается на исследования Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса, Х. Ортеги-и-Гассета, Э. Шатсшнайдера, Ч.Р. Миллса и пр., а также ключевых современных мыслителей, таких, как Р. Патнэм, Т. Дай и др. В статье выделяются черты, характеризующие специфику нынешнего состава российского политического истеблишмента, особое внимание уделяется механизмам рекрутинга и инструментам, подкрепляющим устойчивое воспроизводство элиты. Специально рассматривается влияние актуальных трендов информационного и медийного пространства на природу властных отношений и формирование элитарного сообщества – как в национальном, так и в международном измерении.

Ключевые слова: элита, политический процесс, глобализация, медиа, власть, общество, исполнительная власть, повестка дня, коммуникация, Россия.

Abstract. The author studies the modern peculiarities of political elite, conditioned by the global policy circumstances and the national political process. This scientific interest is caused by, firstly, the strengthened contradictions between the fundamental provisions of conventional study of elites and the current political practice, in which the new specific features of “elite” and “political class” emerge, and secondly, the nature of the so-called “transition” or “hybrid” regimes, in which elite configurations significantly differ from theoretical patterns, which hasn't been understood sufficiently enough. The research methodology is based on the works of G. Mosca, V. Pareto, R. Michels, J. Ortega y Gasset, E. Schattschneider, C. W. Mills and the key modern thinkers as R. Putnam, T. Dye and others. The author detects the features, characterizing the specificity of the modern political establishment of Russia; special attention is paid to the recruiting mechanisms and instruments, supporting the sustainable reproduction of elite. The author considers the influence of the topical trends of information and media space on the nature of relations of power and the formation of elite community, both in the national and international dimension.

Key words: agenda, executive authority, society, power, media, globalization, political process, elite, communication, Russia.

Внимание к теме элит представляет собой давнюю традицию политических исследований. Среди авторов, в той или иной степени обращавшихся к этой теме, можно назвать Г. Моску, В. Парето, Р. Михельса, Х. Ортеги-и-Гассета, Э. Шатсшнайдера, Ч.Р. Миллса и пр., а также ключевых современных мыслителей, таких, как Р. Патнэм, Т. Дай и др. Тем не менее, несмотря на крайне серьезный и фундаментальный материал, накопленный в элитологических разработках, нельзя отрицать того обстоятельства, что в современном политическом процессе возможно обнаружить крайне интересные тренды, серьезнейшим образом меняющие как содержание государственной политики развитых стран, так и внутренний субъектный состав политического управления.

Даже исключая из анализа события последних лет, крайне нестабильных для мировой политики и международных отношений, а также для

внутренней политики целого ряда как развитых, так и развивающихся государств, необходимо признать, что социально-политические изменения стали характеризоваться еще большей неопределенностью и динамичностью [5]. В общественные процессы оказались вовлечены новые силы, новые группы давления, серьезным образом ротировался персональный состав правительственного истеблишмента; можно даже утверждать, что актуальные и продолжающиеся по сей день тренды глобализации, делегитимации и демократизации [7] изменили формы рекрутинга элитарного корпуса, факторы групповой идентификации и сплоченности и даже ключевые ресурсы, ответственные за стабильное воспроизводство элит.

При этом в теоретическом отношении понятие «политическая элита» остается в рамках политической науки крайне устойчивым, что сегодня можно охарактеризовать скорее как теоретико-методоло-

гическое упущение [3, с.29]. Политическая элита продолжает определяться как устойчивая социальная группа, обладающая теми или иными важным для общества «капиталом» (политическим, экономическим, символическим) и закрепляющая при помощи этого капитала достигнутые формы господства и воспроизводства собственной власти. Ключевыми характеристиками политической элиты до сих пор остаются, в первую очередь, способность данной социальной группы использовать во властных отношениях накопленный потенциал, а во-вторых, способность воспроизводить этот капитал для долговременного сохранения достигнутых статусных позиций.

Меж тем сегодня резко увеличивается важность одного из ресурсов формирования и воспроизводства элиты, а именно ресурса информационного. Немецкий социолог У. Бек предполагал, что в условиях современных трендов необходимо говорить о принципиально новом явлении для публичной сферы – так называемом «распаде политики» [2, с. 281-288]. В представлении Бека это означает, что вместо четких иерархизированных структур национальных государств и вместо институционального доминирования правительств в обществе раскрывается аморфная ткань коммуникативной власти, связанной с многообразными сообществами, сетевыми по своей природе. Дополняя мысль Бека, необходимо упомянуть и таких авторов, как Р. Брубейкер и Ф. Купер, разработчики концепции «слабой идентичности»: современная демократизация и информационно-коммуникационная революция деконструируют прежние «стержни» группового самосознания, подменяя их динамичными ролевыми, статусными и иными категориями. Новые сообщества, субкультуры и даже «микронации» [6] по-новому категоризируют и структурируют политическое пространство, где не остается места для прежних макро-понятий и метанарративов.

Таким образом, новый режим инклюзивности индивида подвергает эрозии прежние формы монополии государства на управление информационной сферой и установление границ идентичности, а использование новых медиа и интернет-коммуникации, по мнению Д.С. Бариновой, приводит к ситуации, когда граждане «самостоятельно выбирают, с каким пространством себя ассоциировать (в каких сетях участвовать, а какие формировать самостоятельно) и экспериментируют со своими идентичностями» [1, с. 115-116]. Вся природа властных отношений трансформируется – и соответственно этому должно быть трансформировано и понимание элит. Н.Е. Покровский полагает, что внутри современного социума общественная энергия и политические ресурсы аккумулируются, прежде всего, в рамках

«горизонтальной коммуникации в публичной сфере», которая объединяет разрозненные территориальные и профессиональные сообщества, которые, в свою очередь, так же являются проекцией более конкретных сообществ и сетей [4].

Вместе с тем, тренд локализации, парадоксальным образом включенные в глобализационную динамику (отчего процесс глобализации нередко называют «глокализацией» [8]), подразумевает и то, что формирование элиты в каждом сообществе или привычном нам национальном государстве действительно отличается от других образцов, вбирая в себя специфические географические, экономические, социальные факторы. Конечно, нельзя отрицать того, что классические факторы элитарного рекрутинга – принадлежность к тем или иным профессиональным стратам, уровень достатка или категории происхождения – продолжают оставаться некими «общими» закономерностями, и тем не менее, национальные особенности «охоты за лидерами» представляются обязательной составляющей объективного элитологического исследования.

Эти особенности могут быть ярко выражены в контексте системы формирования, воспроизводства и ротации элиты [10]: так, в России 1990-х гг. произошло объективное омоложение истеблишмента, снизилась доля участвующих в рекрутинге элиты социальных слоев и групп, выросло представительство бизнеса в системе властных отношений. Сама демократическая трансформация с внедряемыми механизмами альтернативного электорального выбора была для России относительной «новацией»: на протяжении десятков лет связь элиты с такими механизмами была если не отсутствующей, то сугубо символической.

Нам представляется, что для современной российской элиты характерны следующие особенности.

Во-первых, налицо соответствие глобальному тренду на рост значимости позиций исполнительной власти, а следовательно, большая востребованность «технократических» специалистов и узко специализированных профессионалов (хотя бы на формальном уровне). Последнее замечание выражает небольшую, но важную деталь: мы не утверждаем, что в исполнительных структурах действительно находятся одни только профессионалы и технократы, однако в публичном пространстве создается именно такой образ – исключать который из анализа элиты попросту невозможно. Этот тренд знаменует собой и крайне характерный для современного рекрутинга элиты процесс «деполитизации политики»: в соответствии с трендами нового государственного менеджмента решение вопросов и проблем

становится де-юре «управленческой», а не «политической» задачей, и элита оценивается в соответствии с критериями результативности, а не популярности или даже легитимности.

Во-вторых, глобализационный тренд выражается в том, что наряду с внутривластным «сжатием» элиты в конкретном государстве происходит и идеологическое сближение национальных элит между собой: практически повсеместно обращение лидеров к демократической лексике (даже если оно совсем не выражается в политической практике или имеет вид установок на «суверенную», «свою» демократию), высок уровень финансово-экономической конвергенции (от взглядов на соответствующие проблемы до выбора форм хранения личных накоплений) и т.д. Элита сегодня формирует фактически особое транснациональное пространство, правила которого оказывают едва ли не большее влияние на принятие решений, чем конъюнктурное состояние внутренней политики.

В-третьих, российская элита последних десятилетий демонстрирует устойчивое стремление к мультиаспектности: высок уровень взаимного проникновения между представителями финансового и политического истеблишмента, представителями медийной, спортивной, культурной среды и политическим корпусом. Современный представитель элиты, как он сам себя представляет, должен обладать выдающимся положением едва ли не в каждом сегменте элиты: отсюда популярность научных степеней среди государственных деятелей, участие чиновников в спортивных мероприятиях, стремление представить себя в качестве профессионального эксперта, а не просто исполнителя.

В-четвертых, несмотря на предыдущую особенность, процесс формирования политической элиты в нашей стране происходит, в значительной степени, «административно»: существует четкая корреляция между включением в элиту и уровнем доверия высших административных лиц и политических лидеров. Крайне редко электоральные механизмы выдвигают нового человека в элиту без предварительных «латентных» согласований и кулуарных договоренностей; уровень «случайности» подобных процессов близок к нулю. Можно считать это особенностью национальной политической культуры с ее стремлением к абсолютизации и персонализации власти; вместе с тем, нельзя не отметить, что как минимум не меньшее влияние на подобное состояние элиты могли внести конкретные обстоятельства 1990-х гг. с частичной приватизацией «политического капитала» относительно обособленным сообществом истеблишмента.

В-пятых, российская политическая элита представляется неотрывно связанной с имеющейся в обществе апатией (нередко характеризующейся даже

как «аномия») и сравнительно низким уровнем политической вовлеченности населения. Вполне естественно, что добиться такого стабильного положения и устойчивого сохранения собственных статусных позиций было невозможно в более динамичных социальных условиях – тем не менее, элиту нередко рассматривают вне этого контекста, что приводит к крайне ограниченному исследовательским выводам.

В-шестых, для современной элиты (и в российских условиях это скорее не особенность, а не вполне удовлетворенная необходимость) представляется крайне важным эффективный контроль за медийным пространством [9]. Мы уже говорили о том, какое значение информационное поле имеет для рекрутинга элиты, – но управление повесткой дня и оперативный фрейминг сегодня являются для элиты чем-то наподобие *modus vivendi*, а не просто одной из тактических задач. Неудивительно в этом отношении та реально наблюдаемая в России тенденция, что элита имеет, как правило, федерально-ориентированный (центрально-ориентированный, центростремительный) характер – ведь именно федеральный центр связывается представителями элиты с максимальными информационными возможностями.

В-седьмых, несмотря на второй озвученный нами пункт, можно сделать вывод о том, что современная элита – и в нашей стране, и за рубежом – существует в условиях культурно-идеологической неопределенности, обращаясь к теориям, концепциям и доктринам лишь только в оппортунистическом ключе, что лишь усугубляет деградацию имеющихся в обществе образцов политической культуры. Доминирование рыночных методов оценки и технократических представлений о природе власти, существование глобальных моделей восприятия собственных целей и задач – все это приводит к искажению нравственного и социального портрета элиты, которая становится будто бы «детерриториализованной», вырванной из исторического и общественного контекста.

Нельзя не заметить при этом, что российская политическая элита сегодня продолжает воспроизводить еще один тренд, обозначившийся еще в 1990-е: очевидна тенденция на занятие статусных позиций и должностей политиков, чей образ может быть описан нами как «силовой», «наиболее сильный», «агрессивно-авторитетный». Представители органов правопорядка, силовых и разведывательных структур регулярно занимают ключевые позиции в институтах государственной власти, и этот процесс тесно связан, с одной стороны, с уже имеющимися внутри нее представителями того же самого среза элиты, а во-вторых, с внешнеполитическими обстоятельствами.

Последние, к слову, являются своеобразным показателем оценки устойчивости существующей конфигурации элиты: ее уровень сплочения и отсутствие внутренних конфликтов, с одной стороны, подтверждают некоторые национальные особенности российского истеблишмента, а с другой, подталкивают к мысли о совпадении многих установок российской элиты с представлениями зарубежных коллег – не в отношении, конечно, глобального миропорядка, а скорее в отношении своего места в миропорядке. При этом глобальной проблемой, а в силу этого и внутренней про-

блемой большинства государств мира, остается асинхронная динамика представлений элиты и состояния общества – это можно было бы назвать, в марксистской традиции, несоответствием «производительных сил» и «производственных отношений», но лучше охарактеризовать как неучтенные обстоятельства постепенной общественной трансформации. От того, какая элита быстрее прочих отреагирует на актуальные изменения и вызовы, будет серьезно зависеть будущая устойчивость и стабильность как отдельных стран, так и системы международных отношений в целом.

Библиография:

1. Баринава Д.С. Методологические аспекты исследования виртуального пространства Интернета. М.: Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, 2010. С. 115-116.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 281-288.
3. Моторин Д.И. Книга элит: пособие по конструированию будущего. СИНЭЛ, 2014. С. 29.
4. Покровский Н.Е. Дискуссионные проблемы социологического конгресса / Н.Е. Покровский // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 76 – <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-02/Pokrovski.pdf>.
5. Телин К.О. Демократия и идентичность: корреляция в условиях неопределенности // Мир и политика. 2013. С. 54. <http://mir-politika.ru/3380-demokratiya-i-identichnost-korrelyatsiya-v-usloviyah-neopredelennosti.html>
6. Bonnett A. Unruly Places: Lost Spaces, Secret Cities, and Other Inscrutable Geographies-Houghton Mifflin Harcourt, 2014. P. 44.
7. Merkel W. Is There a Crisis of Democracy? // APSA Working Paper, 2013 http://www.democracybarometer.org/Papers/Merkel_2013_APSA.pdf.
8. Sharma C.K. Emerging Dimensions of Decentralisation Debate in the Age of Globalisation-Indian Journal of Federal Studies 19 (1), 2009, pp.47-65.
9. Телин К.О., Полосин А.В. Медиарынки: кризис вместо системы // Тренды и управление. 2016. № 1. С. 85 – 89. DOI: 10.7256/2307-9118.2016.1.17723.
10. Богатырев С.В. Генезис и становление новой политической элиты Российской Федерации (2000-2012) // Политика и Общество. 2015. № 1. С. 116 – 123. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.1.10867.

References (transliterated):

1. Barinova D.S. Metodologicheskie aspekty issledovaniya virtual'nogo prostranstva Interneta. M.: Tsentr perspektivnykh metodologii sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy, 2010. S. 115-116.
2. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu / U. Bek. M.: Progress-Traditsiya, 2000. S. 281-288.
3. Motorin D.I. Kniga elit: posobie po konstruirovaniyu budushchego. SINEL, 2014. S. 29.
4. Pokrovskii N.E. Diskussionnye problemy sotsiologicheskogo kongressa / N.E. Pokrovskii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2003. № 2. S. 76 – <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-02/Pokrovski.pdf>.
5. Telin K.O. Demokratiya i identichnost': korrelyatsiya v usloviyakh neopredelennosti // Mir i politika. 2013. S. 54. <http://mir-politika.ru/3380-demokratiya-i-identichnost-korrelyatsiya-v-usloviyah-neopredelennosti.html>
6. Bonnett A. Unruly Places: Lost Spaces, Secret Cities, and Other Inscrutable Geographies-Houghton Mifflin Harcourt, 2014. P. 44.
7. Merkel W. Is There a Crisis of Democracy? // APSA Working Paper, 2013 http://www.democracybarometer.org/Papers/Merkel_2013_APSA.pdf.
8. Sharma C.K. Emerging Dimensions of Decentralisation Debate in the Age of Globalisation-Indian Journal of Federal Studies 19 (1), 2009, pp.47-65.
9. Telin K.O., Polosin A.V. Mediarynki: krizis vmesto sistemy // Trendy i upravlenie. 2016. № 1. С. 85 – 89. DOI: 10.7256/2307-9118.2016.1.17723.
10. Bogatyrev S.V. Genezis i stanovlenie novoi politicheskoi elity Rossiiskoi Federatsii (2000-2012) // Politika i Obshchestvo. 2015. № 1. С. 116 – 123. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.1.10867.